

Совместный проект ГМЗ «Ростовский кремль» и газеты «Ростовский вестник» Я вспоминаю... (Ростов в 1950-1960-е годы)

• **Елена Крестьянинова**
Продолжение. Начало в «РВ»
26.07, 02, 09.08. 2012

Как умела Анастасия Павловна внушить уверенность в своих силах! Как она могла поддержать маленького человека, окрылить его! Если она замечала в завзятом троечнике хоть искру старания, если его работа была сделана чуть-чуть, на йоту лучше предыдущих – он получал сразу пять баллов! Неважно, что оценка

ставилась авансом, но это был – щедрый аванс. И скольких же он побудил к желанию трудиться с полной отдачей сил!

Каждое слово Анастасии Павловны было для нас законом. Сколько раз мама и бабушка говорили мне о том, что надо обязательно мыть руки перед едой. И что нельзя обижать младших, а нужно с ними играть и заботиться о них. Эти слова как-то легко пролетали мимо ушей. Мало ли что! Вот еще! Вода холодная, мыло

скользкое и противное, а братик совсем глупый, не понимает ничего в свои 5 лет!

Но после рассказа учительницы о вездесущих микробах, аккуратных детях с чистыми руками и маленьких братишках-сестренках, из которых могут вырасти наши друзья, все изменилось. Я мыла руки с удовольствием, представляя, как оно щиплет глаза микробам, как они корчатся в муках и погибают – а руки абсолютно чисты, микробы до меня не доберутся, я никогда не заболела и не пропущу ни одного урока! А братик... он мне уже не мешал. Я же умная, старшая сестра, ученица! Мама была поражена, когда увидела, что я не отгораживаюсь, а держу его на колених и рисую ему картинку! Впервые в жизни... Милый мой Ленок! Талантливый, красивый, великодушный, он стал настоящим художником. В этом заслуги моей нет. Но друзьями мы стали – на всю жизнь. Как об этом могла знать Анастасия Павловна..?

Я с трудом вспоминаю, какие же наказания применяла наша учительница. Иногда расшалившегося во время урока ученика она «ставила столбом» у парты. За более серьезные нарушения ставили в углу у дверей класса. Очевидно, еще более серьезные проступки влекли удаление из класса, но у нас за весь учебный год такого не случилось ни разу!

Наша начальная школа, располагавшаяся в старинном доме, работала в две смены. Занятия первой смены начинались в половине девятого, но мы приходили раньше минут на 15 – 20. Раздевались, ходили, бегали по широкому коридору, в который выходили двери четырех классов. Самые дисциплинированные из нас выстраивались у двери своего класса. Звонил колокольчик, и техничка открывала дверь класса. Мы входили, вбегали, врывались в него и начинали готовиться к уроку по расписанию, раскладывая тетради, учебники, пеналы. Вместе со вторым звонком в класс входила Анастасия Павловна. Не

было ни разу, чтобы она опоздала или даже задержалась хотя бы на минуту.

Я не знала, где живет Анастасия Павловна. Но вот как-то однажды по дороге в школу увидела ее, подхихившую к перекрестку улиц Московской и Ленинградской. На следующий день я уже специально поджидала мою обожаемую учительницу на этом перекрестке, укрывшись за угол дома. И когда она прошла, я последовала за ней в школу.

Конечно, я поделилась своим открытием с одноклассниками, своими соседями. И они стали собираться к перекрестку и поджидать Анастасию Павловну. Наша стайка делалась все больше и больше и, уже не уместаясь за углом дома, не могла укрыться от ее глаз.

– Ребята, что вы там прячетесь? Куда это вы собрались?

– Да мы Вас ждем...

– Ну, так идейте все вместе в школу! Этого мы только и ждали! Мигом окружив Анастасию Павловну, всей толпой мы двинулись по улице Ленинской к нашей школе. Это было зрелище! Детей человек 15 и учительница в их гуще. Каждый старался прикоснуться к Анастасии Павловне, каждый хотел идти рядом с ней, желательно бок о бок, в ногу! Кому-то она дала понести сумку с тетрадами, и этот счастливец ног под собой не чуял от свалившейся радости. Так мы и ходили всю зиму вместе в школу – учительница и ее ученики. Она, правда, старалась изменить свой путь, время выходя на работу, но мы упорно добивались счастья быть ее сопровождающими. Пока однажды мой папа не нарисовал картинку, изображающую растерянную Анастасию Павловну, которая, прижимая к груди пачку тетрадей, взирала на толпу бегущих к ней со всех сторон ребят. И меня во главе этой толпы. Мне стало стыдно. И я перестала подстергать свою учительницу.

Продолжение следует.
На фото из личного архива: Лене
4 года. 1954 г.

К 200-летию Отечественной войны 1812 года

«...Идет для закупки хлеба...» Протоколы допросов. 1812

• **Константин Степанов**
Окончание. Начало в «РВ» 09.08.2012
• **1812 г., октября 11. – Протокол допроса неустановленного допроса коммерсанта из Москвы в Ростов вместе с греком Сари**

Во 2-х того ж числа при бытности ростовского уездного стряпчего. Оногo грека Сари знаю около года по коммерческом делем, так как он маклер и по делам, которые я ему поручил, он был всегда честен. Впрочем, образ жизни его мне неизвестен, а всего лучше об нем могут сказать московские купцы Андрей Сидоров сын Корзинкин, Иван Иванов Борисовской, Федор Николаевич Старшин, Николай Иванович Ситников. Сей последний живет в Ростове, а прочие в селе Поречье или в других околичных селениях, а именно, мне неизвестно, потому что он по их делам делал более бывши маклером занимался. Я вышел с ними из Москвы в воскресенье, что есть 30 число сентября в вечеру. – Паспорта же французские я ни от кого не получал, потому что в сию страну таковых нам не давали и того ж 30 числа соседился я у грека Ивана Павловича Бубути, у которого Сари жил и другие греки, и тут я объявил им, что я сыскал оставшого солдата из Москвы, а прочие в деревне графа Ростопчина дому такого, который беретса желающих провесть на безопасной трект и проводил 12 верст от Москвы в Лаврентьев и Пестури с женою и тещею, а вместе с ними пошел с начала грек Сари в намерении только до сказанного солдата нас провесть, но когда пришел ко оному солдату, тогда он Сари объявил желание идти с ними – при сем случае я его спрашивал, как он жену свою оставляет, на что он ответил: я решился идти и не

возвращаться. Более же о намерении оногo грека Сари ничего не знаю, в чем и показал самую сущую правду.

• **1812 г., октября 17. – Протокол допроса коммерсанта грека К. Сари**
Копия. 1812 года октября 17 дня. – В третьем Константином его зовут Дмитриев сын Сари, от рода ему тридцать три года, женат на голландке Елене Крестине, детей имеет сына Константина трех месяцев. Родился в Константинополе и привезли его 12-ти лет в город Херсон к покойному купцу греку того города Пангулову купцу немцу Себастьяну Гетну в лавку, которая у него не отдала, а оставил при доме для учения по-французски и жил у него два года, потом оный Пангулов отдал его в Херсонес с[анкт-]п[етербургскому] купцу немцу Себастьяну Гетну в лавку, которая у него имела в оном городе для обучения торговать, в кой он и находился около 6 лет, а подлинно не упоминт. После того в 1800 году, а которого месяца и числа не упоминт впрятъ был к вышеописанному же купцу Гетну в с[анкт-]п[етербург] для производства в лавке торговства галантерейными товарами, потом отошед от него. В 1802 году отправился в Москву и жил у разных немцев и научился по-немецки и французски и также воидя в несколько лет в 1809 году женился на вышеописанной голландке Елена Крестине в Москве и имел уже женатый разными москотильными товарами, комиссия с купцом немцем Василием Федоровым Амелунгом, потом означенный Амелунг уволился от упадка ему в коммерции фортуны, и он, оставшись, принял маклерскую должность и потом сделан был по согласию голов, и купечества московского и старостою над пряхею, что известно всем московским купцам, и он отправлял должность сию честно, в чем на московских купцов, ведавших его, и ссылается до самого вступления в Москву французских войск, а когда оные

вступили 2 сентября, то до вступления еще оных того ж числа со всем семейством для безопасности ушли в состоящей в Москве Никольский греческий монастырь, где и пребыли в квартире грека Зоя Павловича Зосими, в которой сам Зосима его оставил квартировать со всем семейством потому, что сам не известно куда уехал, потом старался освободить тот монастырь от нападения французоз и по знанию французского языка с прочими греками и защищал ходатайством его от ограбления. Некоторое время, как и от пожара, но после пожароз французоз оный монастырь разграбили, и тогда перешел он к греку, живущему в Москве, Ивану Павловичу Бубутику, в дом, состоящей его в Мясницкой части с семейством и жил у него до самого выхода из Москвы с семейством, где оное и оставил при выходе сюда. Во время нахождения его в Москве по знанию разных языков употребляем был сначала жителями московскими для объяснения их нужд, а потом самими французозами. В сем деле его рекомендовал бывший университета Московского профессор Виллерс, носивший профессорский мундир, который по поручению французоз отправляет должность полицмейстера и даже его в квартальные сыщики пригласил, но он, не смея прямо оказаться от сего, отзывался разными отговорками, потому более, что имел намерение бежать, которые несколько раз его спрашивали, где находится хлеб и вино, но он, не желая того открыть, сказывал, что ничего сыскают не мог, потом понемногу доставал сам для кормления картофеля из погребоз, капуста, икры себе, чем после пропитания с семейством, а после искал получить вид на выход из Москвы, каковой и дали ему с прочими греками, а кто именно из греков подавал и подписывал просьбу, поминт по имени Дмитрий, а фамилии не упоминт. 26 сентября на французском

стиле, а на русском языке должно быть 12-е число, ибо дается от них 12 дней вперед, от французского генерала управляющего Московию идти в Польшу до Ленберга с фамилиею и экипажем, для чего он и взял тот паспорт, ибо в другие места таковых не давали. А прежде сего, французоз говорили ему, когда жил с семейством в доме Бубути, чтоб достать хлеба, на который и обещали ему дать до 3000 р[ублей] и сверх того французскую команду, но я с учтивостью от того отговорился единственно для того, дабы скрыть намерение в том, что не хотел идти в ту сторону, в которую получил паспорт, прикрывая свой умысел, и он сказал, что русские мужики, увидя команду, испугаются, а я пойду один проследить, где достать можно хлеб, что сделать и обещался, но 29 числа сентября, оставя свою жену и сына, из Москвы ушел, приняв один хлеб от французоз для семейства и отдал оному. После ввечеру с прочими греками, но уже не по тому тракту, как сказано в паспорте, вышли сказать французам и жене, что идет для закупки хлеба и обратно возвратится в Москву. Затем и вышли с греками Константином, Павлом и еще Дмитрием, а по отчету не упоминт, женою и тещею на заставу Сокольники и никто их не видел, так же русских с ними пришло не малое количество, и шел по надлежащему тракту через Сергия и Переславля в город Ростов, оставив жену и сына потому, что боялся французоз возвратиться назад, давши им слово доставить провиант, но в подлинном намерении того никогда не имел, и, пройдя с провожатым, а как его зовут, не знает, жене дал известие, что он не будет в Москве, а находится будет в Ростове или в Ярославле, и сама бы пришла к нему в Ростов или Ярославль. В чем более объяснить нечего не имеет и показывает по сущей справедливости.

«Путешествие в Ростов...» Город, кремль, монастыри, святыни, древности в графике XIX века

Выставка «Путешествие в Ростов...» познакомит посетителей с видами Ростова XIX века. Произведения для нее отобраны в трех крупных собраниях страны – Государственном историческом музее (Москва), Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль», Ярославском художественном музее. Большинство произведений экспонируются впервые.

Ростов с его многочисленными чтимыми святынями и древностями привлекал паломников и путешественников. Интерес к его памятникам рождает спрос на их изображения. И если в XVIII веке виды Ростова крайне редки, то в XIX столетии создаются многочисленные гравюры и литографии – своеобразная изобразительная летопись, фиксирующая облик города.

Представленные на выставке произведения позволяют посетителям совершить вместе с паломником и любителем древностей путешествие по Ростову XIX века, полюбоваться парадной панорамой города

со стороны озера Неро, рассмотреть документально точные виды монастырей, созданные по заказу настоятелей «для раздачи богомольцам», познакомиться с редкими изображениями отдельных храмов. На выставке также экспонируются неизменные спутники путешественников – изданные в XIX веке путеводители, описания монастырей, храмов, жития Ростовских святых.

С конца XIX в. топографический эстамп постепенно вытесняется фотографией. Ведущим мастером в жанре научной фотографии был И.Ф. Барцевский. Неслучайно, что его творческий путь начался в Ростове, здесь им отснято более 300 снимков. На выставке показана часть наследия выдающегося фотографа.

В конце XIX столетия к изображению города все чаще начинают обращаться живописцы. Их картины отражают новое восприятие города, получающее свое дальнейшее развитие в искусстве XX века.

Вернисаж - 17 августа в 16.00. Красная палата, 2-й этаж.

«Великий град Ростов в творчестве финифтяных дел мастеров»

Заключительный вернисаж цикла выставок эмалей, посвященных 1150-летию Ростова Великого, открылся 10 августа в Выставочном зале Музея финифти ГМЗ «Ростовский кремль». Ранее здесь прошли «Весенняя выставка Товарищества ростовских художников: финифть, графика, керамика», «Владимир и Ольга. Ростов Великий – Омск».

Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» обладает богатым собранием ростовской финифти. Одним из приоритетных направлений коллекционного искусства всегда была тема, связанная с Ростовом Великим и его богатейшей историей. В результате многолетних трудов целого коллектива музейщиков скопился интересный материал, который в юбилейную для города дату – 1150-летия со дня первого упоминания в летописи – представляет особый интерес.

Идея выставки в том, чтобы показать творчество не отдельно взятого или группы художников, но выявить процесс взаимодействия гораздо более широкого круга мастеров, составляющих картину типичной атмосферы эмалевого мастерства в городе, поэтому в спектре выставочных работ оказались произведения как ведущих мастеров промысла, так и рядовых художников.

Особенностью жанра архитектурного пейзажа в ростовской финифти является его неразрывная образно-тематическая и композиционная связь с иконой. На выставке представлено несколько икон второй половины XIX в., рубежа XIX-XX вв. с изображением ростовских святых на фоне панорамы города и мест их духовных подвигов. На эмалевых пластинах сакральные места, как правило, изображены на втором плане, но нередко доминирующие архитектурные ансамбли Ростовского кремля и Спасо-Яковлевского монастыря размещаются на первом плане, а сонм покровительствующих городу святых – в верхнем ярусе, в облаках. Такой композиционный прием идет от древнерусской миниатюры, его

использовали также и художники XX века, например, Н.А. Куландин, В.Д. Котков, А.А. Хаунов и В.Д. Кочкин.

Юбилейная тематика так или иначе касается почти всех разделов выставки, она часто становится основой мотивации и стимулом творческой активности художников. Особенно ярко это мы наблюдаем в наследии В.Д. Коткова. Он как никто другой с усердием и настойчивой последовательностью разрабатывает тему в миниатюрных панно, памятных медалей, значках и ювелирных украшениях. Мастер талантливо проецирует архитектурные символы Ростова на женские ювелирные украшения (гарнитуры «Ростов Великий»). Умением сочетать монументальную величественность архитектуры с камерной индивидуальностью образа обладал также и А.М. Кокин.

Величественные ансамбли Ростовского кремля и Спасо-Яковлевского монастыря, различные памятники архитектуры города и его окрестностей вдохновляют к творчеству ростовских мастеров финифтяных дел разных времен и различного уровня мастерства. Иные воспроизводят их со скрупулезной точностью, а иные – сквозь призму творческого сознания. Меняются времена, меняются стили, но памятники Ростова Великого, воспроизведенные на эмали с любовью и творческим горением, остаются на века.

Вера Пак.
На фото: вид Ростовского кремля.
Работа неизвестного мастера
конца XIX в.